

О САТИРЕ И САТИРАХ КАНТЕМИРА

<в сокращении>

Кантемир принадлежит к немногим классическим стихотворцам России; но редкий из русских развертывает его сатиры, ибо старинный слог его пугает читателя, который ищет в стихах одного легкого удовольствия. Кантемира можно сравнить с таким человеком, которого суровая наружность сначала не предвещает ничего доброго, но с которым надобно познакомиться короче, чтоб полюбить его характер и потом находить наслаждение в его беседе. Обративши на сего стихотворца внимание наших читателей, мы надеемся заслужить от них благодарность; но предварительно позволяем себе войти в некоторые рассуждения о сатире.

...Чтоб получить яснейшее понятие о том, какова должна быть истинная сатира, надлежит рассмотреть характеры тех стихотворцев, которых сатиры почитаются самыми совершенными; следовательно, характеры Горация и Ювенала, которым все лучшие новейшие сатирики, например Буало, Пон и наш Кантемир, более или менее подражали.

Горациевы сатиры можно назвать сокровищем опытной нравственности, полезной для всякого, во всякое время, во всех обстоятельствах жизни. Характер сего поэта — вселенность, чувствительность, приятная и остроумная шутливость. Он живет в свете и смотрит на него глазами философа, знающего истинную цену жизни, привязанного к удовольствиям непорочным и свободе, имеющего проницательный ум, характер откровенный и, наконец, способность видеть недостатки людей, не оскорбляться ими и только находить их забавными. Посреди рассеянности и шума придворной жизни он сохранил в душе своей привязанность к простым наслаждениям природы. Он забавляется над глупостями, заблуждениями и пороками; но он не взыскателен, не выдает себя за строгого законодателя нравов и имеет ту снисходительность, которая и самые неприятные упреки делает привлекательными; его простосердечие и любезный характер примиряют нас с колкостью его остроумия, — и мы охотно соглашаемся

у него учиться, потому что он говорит от сердца, по опыту, и забавляет вас, предлагая вам нравоучение полезное; его философия не имеет целью морального совершенства стоиков, над которыми он позволяет себе иногда смеяться; она заключает в себе искусство пользоваться благами жизни, быть истинно независимым и любить природу. Со стороны стихотворной сатиры его почитаются совершеннейшими из всех нам известных. Формы его чрезвычайно разнообразны: иногда говорит он сам, иногда выводит на сцену посторонние лица, иногда рассказывает читателю своему басню. Его описания чрезвычайно живы; но он только прикасается к описываемому предмету и никогда ни утомляет внимания; изображая характер, он представляет одни главные и самые нужные черты его живою, но легкою кистью. Он имеет дар, говоря уму, оживлять воображение и прикасаться к сердцу, — и мысли его всегда согреты пламенем чувства. Одним словом, прочитав его сатиры (надобно к ним причислить и послания, из которых некоторые ни в чем не разнятся с сатирою), вы остаетесь с лучшим знанием света, с яснейшим понятием о жизни и с большим расположением ко всему доброму.

Ювенал имеет характер совсем противоположный Горациеву: он бич порочных и порока. Читая сатиры его, уверяемся, что Ювенал имел пламенную, исполненную любви и добродетели душу; но в то же время и некоторую угрюмость, которая заставляла его смотреть на предметы с дурной только стороны их: представляя их глазам читателя, он с намерением увеличивал их безобразие. Он родился при императоре Калигуле; но сатиры его, из которых дошло до нас только шестнадцать, все написаны во времена Траяна или Адриана, следовательно в глубокой старости. Сии обстоятельства объясняют нам и то, отчего сатирик везде представляется нашим глазам как строгий судья и нигде не утешает нас веселою философиею чувствительного человека. Ювенал, стоик характером, видел все ужасы Клавдиева, Неронова и потом Домицианова царствований: он был свидетелем, с одной стороны, неограниченного деспотизма, с другой — самой отвратительной низости, самого отвратительного разврата, и в душе его мало-помалу скоплялось сокровище негодования, которое усиливало в тишине принужденного безмолвия. Сатиры его можно назвать мучением пламенной души, которая долго не смела себя обнаружить, долго роптала против своей неволи и вдруг, получив свободу, спешит воспользоваться ею неограниченно. Старость и привычка к чувствам прискорбным лишили его способности замечать хорошие стороны вещей; он видит одно безобразие, он выражает или негодование, или презрение, он не философ: будучи сильно поражаем картиною

окружающего его разврата, он не имеет того душевного спокойствия, которое необходимо для философа, беседующего с самим собою; но он превосходный живописец; в слоге его находим силу и высоту его характера:

Juvenal, élevé dans les cris de l'école,
Poussa iusqu'a l'excès sa mordante hyperbole.*

Одни предпочитают Ювенала Горацию, другие отдают преимущество последнему. Не разбирая, на чьей стороне справедливость, мы можем заметить, что каждый из сих стихотворцев имеет совершенно особенный характер. Гораций почти никогда не печаливает души разительным изображением порока; он только забавляет насчет его безобразия и, сверх того, противопоставляет ему те добродетели, которые нужны в общезжитии. Ювенал производит в душе отвращение к пороку и, переливая в нее то пламя, которым собственная его душа наполнена, дает ей и большую твердость и большую силу; но Гораций, представляя нам везде одни привлекательные предметы, привязывает нас к жизни и научает довольствоваться своим жребием; а Ювенал, напротив, окружая нас предметами отвратительными, производит в душе нашей какую-то мрачность. Первый осмеивает странности глупых людей, но приближает нас к добрым; последний, представляя нашим глазам один порок, делает нас недоверчивыми и к самой добродетели. В сатирах Горация знакомишься и с самим Горацием, с его образом жизни, привычками, упражнениями; в сатирах Ювенала никогда не видишь самого поэта; ибо ничто постороннее не отвлекает нашего внимания от тех ужасных картин, которые представляются воображению стихотворца. Кто хочет научиться искусству жить с людьми, кто хочет почувствовать прямую приятность жизни, тот вытверди наизусть Горация и следуй его правилам; кому нужна подпора посреди несчастий житейских, кто, будучи оскорбляем пороками, желает облегчить свою душу излитием таящегося во глубине его негодования, тот разверни Ювенала, и он найдет в нем обильную для себя пищу.

Определив достоинство сих сатириков, которые почитаются образцовыми, обратимся к нашему Кантемиру. Мы имеем в Кантемире нашего Ювенала и Горация. Сатиры его чрезвычайно приятны (они писаны *слогами*,¹ так же как и псалмы Симеона Полоцкого и почти все старинные русские песни), в них виден не только остроумный философ, знающий человеческое сердце и свет, но вместе и стихотворец искусный, умеющий владеть языком своим (весьма приятным, хотя он и устарел), и живописец, верно изображающий для нашего воображения те предметы, которые самого его поражали.

* Ювенал, воспитанный в спорах школы.
Довел до крайности едкую гиперболу.

Кантемир оставил нам восемь сатир.² Мы выпишем для наших читателей *всю* первую, одну из лучших, в которой стихотворец нападает на глупых или пристрастных невежд, порицающих учение. Сатирик обращается к уму своему. Надобно заметить, что предлагаемая здесь сатира написана им на двадцатом году.

...Эта сатира написана была противу тех, которые своею привязанностию к старинным предрассудкам противились распространению наук, введенных в пределы России Петром Великим. Сатирик, имея в предмете осмеять безрассудных хулителй просвещения, вместо того чтоб доказывать нам логически пользу его, притворно берет сторону глупцов и невежд, объявивших ему войну, выводит их на сцену и каждого заставляет говорить языком, приличным его характеру. Таким искусным расположением стихотворец избавил себя от сухости и однообразия. Мы видим несколько забавных чудаков, которые нелепыми рассуждениями своими еще более привязывают нас в тому предмету, который хотят унизить и обезобразить в глазах наших.

...Сатиры Кантемировы можно разделить на два класса: на *философические* и *живописные*; в одних, и именно в VI, VII, сатирик представляется нам философом; а в других (I, II, III, V) искусным живописцем людей порочных. Мысли свои, почерпнутые из общежития, выражает он сильно и кратко и почти всегда оживляет их или картинами; или сравнениями; все характеры его изображены резкою кистью: иногда, может быть, замечаешь в его изображениях и описаниях излишнее обилие. Формы его весьма разнообразны: он или рассуждает сам, или выводит на сцену актеров, или забавляет нас вымыслом, или пишет послание. По *языку* и *стопосложению* Кантемир должен быть причислен к стихотворцам старинным; но по *искусству* он принадлежит к новейшим и самым образованным. Читая сатиры его, видишь пред собой ученика Горациев и Ювеналов, знакомого со всеми правилами стихотворства, со всеми превосходными образцами древней и новой поэзии. Он никогда не отдаляется от материи, никогда не употребляет четырех слов, как скоро может выразиться тремя; он чувствителен к гармонии стихотворной; он знает, что всякое выражение заимствует силу свою от того места, на котором оно постановлено; его украшения все *необходимы*: он употребляет их не для пустого блеска, а для того, чтобы усилить или объяснить свою мысль. В слоге его более силы, нежели колкости; он не смеется, не хочет забавлять, но чертами разительными изображает смешное и колет иногда неожиданно, мимоходом. Например, пьяница Лука говорит:

Как скоро по небу сохой бразды водить станут,
А с поверхности земли звезды уж проглянут,
Когда будут течь к ключам своим быстры реки

И возвратятся назад минувшие веки,
Когда в пост чернец одну есть станет вязигу,
Тогда, оставя стакан, примуся за книгу.

Здесь стихотворец, как будто без намерения, кольнул невоздержанных монахов: невозможность питаться одною вязигою в великий пост наименовал он после невозможности возвратить минувшие веки. Такое сближение очень забавно.

Мы предложим нашим читателям несколько примеров из следующих сатир, чтобы дать им яснейшее понятие об искусстве Кантемира в выражениях *мыслей*, в *описаниях* и *сравнениях* стихотворных и в изображении *характеров*.

...Как сатирик он может занимать средину между Горацием и Ювеналом. Он не имеет той живости, того приятного остроумия, той колкой и притом неоскорбительной насмешливости, какую мы замечаем в Горации; но он имеет его философию и с таким же чувством говорит о простоте, умеренности и тех веселых досугах, которые мы, не будучи обременяемы посторонними заботами, посвящаем удовольствию и размышлению. И в самых обстоятельствах жизни имеет он некоторое сходство с Горацием: и тот и другой жили у двора; но Гораций как простой зритель, а Кантемир как зритель и действующий. Горация удерживала при дворе благодарность к Меценату, а Кантемира — важнейшие дела государственных. Для первого стихотворство было занятием главным, для последнего было оно отдохновением. Гораций думал единственно о том, как наслаждаться жизнью: разнообразие удовольствий оживляло и самое воображение стихотворца. Кантемир, будучи обременен обязанностью государственного человека, наслаждался более одною мыслию. Философия первого живет, и мысли более согреты пламенем чувства: говоря о природе, он восхищает вас прелестными описаниями природы; он увлекает вас за собою в сельское свое уединение; вы видите рощи его, слушаете вместе с ним пение птиц и журчание источника. Философия последнего не так трогательна: он рассуждает о тех же предметах, но с важностью мыслящего человека; он говорит о посредственности, спокойствии, беззаботности как добрый философ, истинно чувствующий всю их цену, но пользующийся ими весьма редко. В слогe имеет он, если не ошибаюсь, более сходства с Ювеналом: и тот и другой богаты описаниями, и тот и другой иногда утомляют нас излишним обилием; но все описания римского сатирика носят на себе отпечаток его характера, сурового и гневного: Ювенал с намерением увеличивает то безобразие, которое хочет сделать для нас отвратительным; но тем самым, может быть, уменьшает и нашу к себе доверенность. Кантемир умереннее и беспристрастнее: он описывает то, что видит и как видит; он смешит чаще, нежели Ювенал, и почти никогда не опечали-

вает бесполезным изображением отвратительных ужасов. И в самых планах своих Кантемир имеет более сходства с Ювеналом, нежели с Горацием: характер последнего есть непринужденность и разнообразие; характер Ювенала порядок. Такой же порядок находим в Кантемировых планах: если, например, сатирик начинает рассуждать, то уже во все продолжение сатиры не переменяет тона и переходит без великих скачков от одной мысли к другой; начиная изображать характеры или описывать, он вводит вас, так сказать, в галерею портретов, расставленных в порядке, и показывает их один за другим: все это, вероятно, могло бы произвести некоторое однообразие, когда бы сатирик не имел истинно стихотворного слога, не оживлял своих рассуждений картинами и не был живописец превосходный.